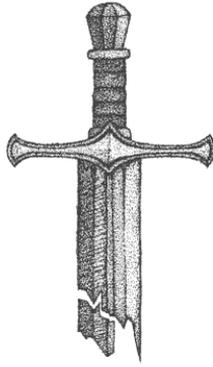

АДАМ

История заключенного.

Дело номер 902.

Отец Адам.

Перо замерло на поставленной точке и подскочило. Державший его мужчина на мгновение задумался, затем изящно обмакнул кончик пера в чернильницу и исправил написанное.

Адам Пэйн.

В этот раз он аккуратнее вывел имя того, с кем ему позволили побеседовать. Верховный отец Рафаэль редко разрешал общаться с заключенными, ведь их зараза могла легко проникнуть в чужие умы и сердца. Но Натану не раз приходилось выслушивать различные душераздирающие истории, он мог бы даже на-

писать книгу о каждом из осужденных, но знал, что тогда удостоится смерти.

Натан был из тех людей, что держатся за победителя. Он знал, что церковные убеждения всегда подвергались и будут подвергаться сомнению, а стоящие у власти всегда будут пытаться силой удержать крупницы мира. Ему предоставлялась редкая возможность созерцать человечество на одной из низших ступеней развития. Но один он ничего не мог поделать, да и желанием большим не горел. Пусть молодые сражаются и воюют за свободу и равноправие, он лишь хотел дожить оставшиеся годы в тишине и спокойствии.

А жизнь его, если подумать, была весьма неплоха. И пусть другие не считали его даже за мужчину, он был тих и до ужаса неприятен каждому. Свою жизнь он посвятил книгам и изучению прошлого, переписывая старинные манускрипты. Натан стал летописцем, и до сих пор его это устраивало. Главное — писать то, что от него хотят, ни больше ни меньше. Он прекрасно знал, какое наказание ждет его, упомяни он какую-нибудь ересь в своих текстах. Так что слушать и записывать истории осужденных стало его маленькой мстостью инквизиции. Он научился избегать их глупые правила, оставаясь в безопасности, хоть и рискуя каждый раз.

ИНКВИЗИТОР

Натан почувствовал легкое волнение, когда в дверь постучали. Он бросил взгляд на стол, проверяя, все ли на своих местах. Длинное гусиное перо, чернильница в серебряной подставке, потрепанная книга с уже начертанным там именем...

— Входите! — произнес он громко и поправил темную рясу.

Он не был служителем церкви, но все равно обязан был соблюдать все ее правила и обеты, так как являлся летописцем. Другие священники с подозрением относились к его деятельности, один несколько лет назад даже донес на него Рафаэлю. Но у Натана хорошие с ним отношения, к тому же Верховный отец знал, что ни на что злодейское тот не способен.

Тяжелая дубовая дверь отворилась, и вошли двое солдат. Шлемы скрывали большую часть лица, заметны были лишь изогнутые недовольством губы. Под руки они вели молодого заключенного. Сердце Натана учащенно забилось. Он так ждал этой встречи, хотел узнать правду об этом человеке, и вот наконец ему позволили!

Он едва не подскочил на месте, но, сдержавшись, лишь указал широкой ладонью на

стул перед собой. Стражники грубо пнули заключенного, и тот почти на ощупь отыскал сидение. Натан впервые видел его так близко.

Стражники и инквизиторы хорошо над ним поработали, на мужчине не осталось живого места. Это был еще даже не мужчина, его лицо дышало юностью и энергией. Серые глаза из-под густых бровей смотрели настороженно и враждебно, Адам явно готов был оценить опасность и моментально на нее среагировать. Волосы темного цвета, как мог судить Натан, но здесь могла возникнуть ошибка: человек, проведший больше двух месяцев в подземелье, мог утратить первоначальный облик, испачкавшись в земле и грязи. И действительно, все его лицо и руки, выглядывающие из-под порванной рубахи, были покрыты засохшей кровью и пылью, которая ложилась на кожу слоями. Подбородок и щеки покрывала бесформенно отросшая борода. Натан испытал некоторое отвращение, оценив, в каком положении держали этого человека. Но в нем возникло еще какое-то чувство. Восхищение, быть может. Несмотря на два месяца истязаний и пыток, исхудавшее тело и от усталости ввалившиеся глаза, Адам был прекрасен.

Натан задумчиво потер лысину и сложил руки перед собой.

— Мы будем за дверью, если понадобится, — произнес один из стражников и, проверив железные оковы на пленнике, покинул помещение. Второй последовал за ним, и в комнате повисла тишина.

Натан неожиданно осознал, что ужасно переживает и не знает, с чего начать. Как вообще вести беседу с таким человеком? Раньше он общался с преступниками, которым были предъявлены серьезные обвинения, но впервые пред ним предстал столь загадочный персонаж. Более двенадцати лет об Адаме ничего не было известно, кроме того, что он сбежал и предан ереси. Но теперь он пойман, схвачен, сломлен. Так сказал ему Рафаэль.

Натан снова посмотрел на Адама. Об этом человеке многое можно было сказать, но сломлен он точно не был. Да, может, внешне он и напоминает скелет, но внутри у него покой. Натан видел это по его глазам.

— Назовите свое имя, пожалуйста, — вежливо начал он.

Адам задержал взгляд на летописце, а затем вновь отвернулся и принялся рассматривать стопки книг, расставленные в крошечной комнате.

— Вы и так его знаете, — ответил он нехотя. — Иначе не позвали бы меня.

Голос его показался Натану похожим на скрежет металла. Но он списал это на истощение.

— И все же я настаиваю.

В этот раз Адам внимательнее всмотрелся в лицо допрашивающего. Пронизывающий взгляд заставил Натана напрячься, ему показалось, что прямо сейчас его читают, словно открытую книгу.

— Адам Пэйн, — раздался негромкий ответ.

— Мое имя Натан. Мне позволили провести с вами последнюю беседу перед судом, дабы не утратить подробностей вашего дела.

Адам сощурился, словно оценивая свои шансы на побег. Но потом мгновенно расслабился и подтянул колени к себе на стул.

— И что же вы хотите знать? — поинтересовался обвиняемый.

— Все, — с энтузиазмом отозвался Натан. — Вашу историю, мотивы к поступкам, мысли...

Адам хмыкнул, смерив его насмешливым взглядом.

— Какой в этом смысл, если на суде будут задавать те же самые вопросы?

Натан потер уставшие глаза. К старости он стал слегка подслеповат, но все равно продолжал работать при плохом свете.

— Суд направлен на доказательство вины и вынесение приговора, наша беседа — на запись услышанного, — терпеливо объяснил он.

— И зачем же миру знать мою историю? — искренне удивился Адам. В его голосе явно слышалось подозрение.

— Думаю, потомкам будет интересно знать, отчего католическая церковь едва не пошатнулась, — Натан едва заметно улыбнулся, понизив голос.

Адам беззвучно засмеялся, вскидывая руки в кандалах. Кажется, такой ответ его устроил. Но уже в следующее мгновение его настроение резко изменилось, а лицо помрачнело.

Натан взял в руки перо, выжидающе глядя на заключенного. Тот опустил руки и некоторое время сидел молча. Воспоминания отнимали у него больше сил, чем исцеление от ран.

— Вы должны знать, Натан, — произнес Адам едва слышно. — Это не моя история. Она никогда не случилась бы, не соверши я самый чудовищный поступок в своей жизни.

— Вы о сожжении ведьмы? — переспросил Натан, обронив перо и внимательно вслушиваясь. Чернила потекли по странице, оставляя темный след. Но летописец не думал об этом: все его внимание было сосредоточено на Адаме.

— Да, — кивнул заключенный и опустил глаза. — Это было началом моего пути. Днем моего триумфа. Так я тогда думал. *«Возрадуйтесь! Ибо в этот день к нашему правому делу присоединился еще один служитель Бога!»*

Натан похолодел. Рафаэль часто говорил так, приветствуя новеньких. Какое-то внутреннее чутье подсказывало ему, что из услышанного сегодня он мало что запишет в свою книгу. Потому что этот рассказ предназначен для потомков, а не для инквизиторов.

КОНЕЦ

